

ИСПАНСКИЕ РЕАКЦИОННЫЕ СОЦИОЛОГИ

Н. Тутьчинская

Господство иностранного капитала в стране и хозяйничанье в ней крупных интернациональных монополий способствовали тому, что испанские капиталисты группировались вокруг международных трестов, концернов и банков, играя в них подчиненную, пособническую роль. Испанские капиталисты были способны лишь на то, чтобы поменять одного хозяина на другого, более сильного, но они никогда не могли освободиться от него. Попытки сыграть на противоречиях между английским и германским империализмом толкали некоторые круги испанских капиталистов и помещиков в объятия германского империализма. Его позиции в стране в период между первой и второй мировыми войнами были более слабыми, чем позиции английского империализма, и поэтому он был более щедр на обещания и подачки. Сейчас, после разгрома германского фашизма, то же самое явление имеет место и в отношении американского капитала.

Относительная слабость испанской крупной буржуазии не исключает наличия у неё собственных империалистических appetitов. Она непрочь поживиться и в Латинской Америке и в Южной Африке. Испанская фашистская пресса требовала и требует для Испании Западной Африки, Гибралтара, Филиппинских островов, Флориды, Техаса, северо-западных районов Мексики и т. д. Так, § 3 программы фашистской испанской фаланги требует «о воле к мировому господству» и «занятию выдающегося места в Европе». В §§ 4 и 5 неслучайно говорится о «многочисленной и сильной сухопутной армии, морском и воздушном флоте» и о «воле доставить Испании соответствующий ранг в мире, а самой армии — соответствующее положение и влияние на политическую жизнь».

Все эти «требования» и бряцание оружием звучали бы как малоостроумная шутка, если бы за спиной испанских монополистов не стояли более мощные империалистические хищники. Жажда могущества и фактическое бессилие, страх перед возмездием народа, которое угрожает изменникам родины и душителям всех свобод, питают звериную ненависть испанских империалистов ко всему прогрессивному и толкают их на участие в самых агрессивных авантюрах великих империалистических держав.

На примере Испании мы видим, что подчинение экономически и политически отсталых стран политике крупнейших иностранных империалистов было бы весьма затруднено, если бы не оказываемое им реакционными силами внутри самой страны активнейшее содействие. Известное сравнение экономических и политических интересов испанских банкиров, крупных промышленников, помещиков, князей церкви и верхушки армии с интересами иностранных империалистов превращает внутренние реакционные силы Испании в оплот иностранного империализма в стране. Среди сил, на которые опирается иностранный империализм в Испании, видное место принадлежит так называемым «деклассированным элементам» из среды интеллигенции, чиновников, из сыновей обедневших аристократов, военных чиновников, так называемым «сеьоритос» (барчуки), которые не сумели пристроиться к какой-либо государственной службе и казённому пирогу. Эти молодцы предпочитают пристроиться возле какого-либо реакционного политика, «кауудильо», и на деньги иностранной державы, а часто и непосредственно полиции, делать «большую политику». «Деклассированные элементы» сыграли, как известно, значительную роль в создании в Испании фашистской партии.

Идеология испанских империалистов строится на пресловутой расовой теории, на апелляции к прошлому, к «традиции», идеализации средневековья с его корпоративным, иерархическим строем, католицизмом и его схоластической философии и, наконец, на социальной демагогии, широко используемой анархо-синдикалистскую фразеологию, довольно популярную среди мелкобуржуазных слоёв населения.

Идеологи испанской монополистической верхушки в зависимости от ориентации на тот или иной более мощный империализм поддерживают ту или иную разновидность расовой теории.

В своё время нацисты активно проталкивали свои «теории» в Испании. Они продолжали дело, начатое ещё пангерманцами. Кое-что в этом отношении им удалось. Так, популярный в Испании академик Менендес-Пидаль искал корни национального искусства в «сентиментальных воспоминаниях расы». Ведущую роль Кастилии в отношении других частей Испании он объяснял той ролью, которую якобы играл в ней германский элемент¹.

Среди пропагандистов пангерманской доктрины видную роль играет профессор Мадридского университета Ортега-и-Гассет, причисляющий себя к так называемому «поколению 98 года». В период второй мировой войны он прочитал немало лекций и выпустил несколько книг в США и в странах Латинской Америки. В своих произведениях он ведёт травлю Советского Союза, прикрываясь своей якобы непричастностью к фашизму. Этот воспитанник марбургской школы, впитавший идеи пангерманизма и неокантианства, пишет в своих «Meditaciones de don Quijote»: «Я не только средиземноморец... Белокурый, задумчивый и сентиментальный германец дышит в сумерках моей души... Но призывайте меня к гражданской войне с самим собой, не натравливайте иберийца с его грубыми, дикими страстями против белокурого германца, который дышит в глубине моей души. Я хочу создать мир между этими двумя людьми во мне и привести их к сотрудничеству»². В унисон с германскими расистами Ортега-и-Гассет утверждал, что «германцы являются в Испании силой, формирующей и организующей, в то время как туземцы являются лишь материей»³. Смертельную болезнь испанского народа Ортега-и-Гассет видит в его аристократофобии и ненависти к «избранникам», а средство против этой болезни он находит в «императиве отбора». К этому

нужно ещё прибавить особенно рельефно выраженную ненависть к демократии и либерализму, и мы поймём, почему гитлеровцы были столь признательны этому проводнику нацистских идей, хотя он непосредственно и не высказывался за фашизм, считая его «мелкобуржуазным» и неспособным решить мировые проблемы.

Учению о необходимости, связи, взаимозависимости и обусловленности явлений этот пангерманец противопоставляет типичное метафизическое рассмотрение природы как случайное сплетение предметов, явлений, наделённых теми или иными качествами в зависимости от воли субъекта. «Общество» определяется Ортега-и-Гассетом как «сочетание господствующих избранных и среднего человека, рождённого для подчинения». Ортега-и-Гассет настойчиво требует отказаться от изучения закономерностей исторического развития. Не стесняясь, он хвастается, что «основательно боролся против экономического обоснования истории» с точки зрения «утилитарной интерпретации жизни, физической и духовной»⁴.

По мнению рассматриваемого автора, каждая история является «субъективно универсалистской». Основным вопросом современной исторической науки он считает определение «действительного исторического индивидуума»⁵. Человеческий индивидуум зависит от «культурного круга, в котором рождён»⁶. Автор делает из этого вывод, что историкам необходимо «рассматривать культуру как основное явление. Всё остальное — лишь осколки этого»⁷. Правда, полагая, что «историческая наука вступила в эпоху строгого позитивизма»⁸, он требует освобождения культуры от «метафизической основы и рассмотрения её как факта»⁹.

Но рассмотрение культуры как «позитивного факта» не помогает автору в понимании движущих сил исторического процесса. Историческая наука у Ортега-и-Гассета направлена только на «преодоление многообразия исторического материала»¹⁰. Причём сведение к известному единству, рассмотрение истории как процесса, установление известных закономерностей он объясняет «насилием над существенными различиями»¹¹. История должна заниматься «реконструкцией структурных различий человеческого сознания».

Здесь полностью исключается познание действительной истории общества, его экономики, его идей и теорий, политических взглядов и учреждений. Историческая наука, занимающаяся историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов, подменяется изучением «истории культуры», набором

¹ Ramon Menendez y Pidal. «L'épopée castillienne» obras de Menendez Pidal. II. Madrid. 1934.

² Ortega-y-Gasset. Meditaciones de don Quijote, p. 21.

³ Ortega-y-Gasset. «España Invertebrada», p. 151; «Iberrabrade Spain», изд. Milred Adams. New York. 1937; немецкое издание «Der Aufstand der Massen». Deutsche Verlag Stuttgart und Berlin. 1933.

⁴ Ibidem, p. 34.

⁵ Ortega-y-Gasset «El tema di nuestro tiempo», p. 243.

⁶ Ibidem, p. 248.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem, p. 243.

⁹ Ibidem, p. 248.

¹⁰ Ibidem, p. 267.

¹¹ Ibidem, p. 269.

измышленных «вечных истин». Создав эклектическую похлёбку из неогегельянства, неокантианства и позитивизма, Ортега-и-Гассет лишний раз показывает своё бессилие познать действительный исторический процесс. Чувствуя слабость своих позиций, Ортега-и-Гассет заявляет: «История не хочет объяснять, а хочет лишь понимать определённый смысл, который выступает в существовании человека, как в ритмическом феномене». «Душа понимает только самоё себя, а каждая эпоха понимает лишь то, что является её истиной». Таким образом, по мнению Ортега-и-Гассета, истина лишь субъективна, а действительная история, как история различных общественно-экономических формаций, объявляется несуществующей. Задачей историка является «убеждение нас в том, что нет ничего бессмысленного в пределах определённой психологической структуры. Нет исторической необходимости и случайности, а существует только «антиномия исторической оптики»¹². Это новое «красивое» слово чрезвычайно напоминает аналогичные словечки махистов, изобретённые для того, чтобы замаскировать свой отказ от познания действительного исторического процесса и заставить примириться с капиталистической действительностью.

Все эти «опровержения» науки об обществе приводятся для того, чтобы в конце концов сказать, что «политика гораздо реальнее, чем наука» и что единственной реальностью современной Испании является воля к «политике создания великой исторической империи». Причём этот «испанец» в своей «великой империи» кальтруистически отводит Испании очень незначительную роль, якобы в наказание за то, что она не сумела «выдвинуть жизненную программу, которая смогла бы притянуть биологически родственные ей расы», он подчиняет её великой германской расе»¹³.

Философия истории Ортега-и-Гассета является откровеннейшей апологетикой империализма. «Европа переживает кризис»¹⁴, — вопиет он в панике. Он напуган перспективой «восстания масс», как называется одно из его основных произведений: «La Rebelion de las masas». Объятый ужасом, он ищет средства выхода из кризиса. Массам он проповедывал «выполнение своей биологической миссии следования за лучшими», Европа — создание «Соединённых Штатов Европы», руководство которыми Ортега-и-Гассет отдаёт германцам-пруссакам. Европейский блок империалистических держав он считает эффективным барьером против коммунизма и в создании Соединённых Штатов Европы видит «единственную возможность противостоять победе пятилетнего плана». Ортега-и-Гассет откровенно опасается, что при условии победы пятилетнего плана в СССР «европеец без большого тру-

да проглотит аргументы против коммунизма и даст себя увлечь, если не его содержанием, то его моральным духом»¹⁵.

Ортега-и-Гассет ещё не высказывался за мировое господство США в годы написания своих основных произведений. Несмотря на это, в США широко издавалась и переиздаётся его книга «Восстание масс». Американской реакционной печатью она была поднята на шит и объявлена произведением, призванным играть ту же роль, которую в XVIII в. играл «Общественный договор» Руссо, а в XIX в. «Капитал» Маркса!¹⁶. Нетрудно понять, на какие роли готовят реакционные круги США Ортега-и-Гассета и какое место отводится ему в планах демagogического воздействия на массы для борьбы против демократии и Советского Союза. То обстоятельство, что этот «философ» не жил во франкистской Испании и что его имя связано с так называемым «поколением 98 года» и с германскими неокантианцами, делает после разгрома нацистской Германии его фигуру ещё более приемлемой для мировой реакции.

Своеобразным расизмом является Хименес Кабальеро, один из идеологов испанского фашизма, активный деятель франкистского режима, «воспитатель» франкистской молодёжи. Хименес Кабальеро, испанский социолог, профессор и литератор, так же, как и Ортега-и-Гассет, причисляет себя к «поколению 98 года». До 1929 г., по его собственному выражению, его символами веры были три R: «rubio» (белокурый), «teformista» (реформистский), «revolucionario» (революционный)¹⁷. В 1929 г., после своего пребывания в Риме, он объявил последний своей «исходной точкой»¹⁸. В противоположность Ортега-и-Гассету, апологету пангерманизма, он выступает с апологетикой католического Рима. Испания «воплощает основной гений Европы — католицизм»¹⁹. Отсюда он делает вывод об особой, реакционной миссии Испании в мире как католической страны. Нужно быть исключительно наивным читателем, чтобы поверить Хименесу Кабальеро, объявляющему «сущностью романского креста расовое братство»²⁰. Даже при беглом знакомстве с работами Хименеса Кабальеро нетрудно заметить, что речь у него идёт не о «расовом братстве», а о «расовой гордости романцев», связанных с Римом. «Мы рождены, чтобы приказывать»²¹, — говорит он. Этот неокатолик не решается безоговорочно принять пангерманский расизм, так как последний ориентируется на известное немецко-националистическое движение — «Los von Rom» — и представляет поэтому «антироманскую опа-

¹⁵ О книге см. выше.

¹⁶ «Atlantic Monthly». См. рецензию на книгу Ортега-и-Гассета, приложенную к изданию Milred Adams, New York. 1937.

¹⁷ Gimenez Caballero.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem, p. 161—162.

²⁰ Ibidem, p. 35.

²¹ Ibidem.

¹² Ortega-y-Gasset «El tema di nuestro tiempo», p. 264.

¹³ Ortega-y-Gasset «Towards of philosophy of history», p. 13, 27, 29. 1941.

¹⁴ Ortega-y-Gasset «Espana Invertebrada», p. 147.

ность». Впрочем, Хименес Кабальеро видит историческую миссию Испании в «примирении католицизма с расизмом». Он мечтает об Испании времён германского цезаря Карла V, на службе у Бога — Рима». Он порицает «полное интегральное принятие немецких идеологических систем», но объявляет превосходным «любовный контакт с германским»²².

Ещё накануне второй мировой войны во Франции «расовое родство» латинских народов пытались использовать для создания так называемой «Латинской унии». В своё время за идеей латинского расового господства скрывались империалистические интересы Англии и Франции, стремившихся использовать международные связи и географическое положение Испании. Сейчас эту этикетку непрочь использовать и Соединённые Штаты Америки. Испании внушают, что она должна «осознать своё значение средиземноморской державы», причём эту «роль» понимают специфически, как пособническую в отношении более могущественных империалистических хищников.

В борьбе против прогресса и свободы своего народа, проповедуя миссионерскую реакционную роль Испании в Европе, «превращение её в новый Иерусалим», Хименес Кабальеро апеллирует к мёртвым. «Единственное живое, вечное живое, чем обладает нация, — это её мёртвые»²³. Этот неокатолик объявляет своё мировоззрение «реалистичным и прагматичным» и стремится гальванизировать труп, вдохнуть жизненную силу в идеалы и чаяния классов, обречённых на гибель. Он смертельно боится будущего и прячется за призраки прошлого, магически заклиная их выйти из своих гробниц. Он манит былым величием Испании, которая владела когда-то Испанией, просторами Голландии, полями Бельгии, Ламаншским каналом и всей Америкой, Филиппинами, Тунисом, Безансоном и т. д.²⁴. Он призывает на помощь так называемый «традиционализм», монархию и «чистую божественность». Он прячется за мистиков, за Игнасио Лойолу, которого объявляет «рыцарем, воином бога, гением католической Испании»²⁵. Всеми способами Кабальеро стремится идеализировать инквизицию.

Двигаясь от Кента направо, через нищезанятие, прагматизм, позитивизм, агностицизм и субъективный идеализм Беркли и мистику, он приходит к схоластике св. Августина. Рядом с Августином Хименес Кабальеро ставит Фому Аквината за то, что тот на новом историческом этапе поднимает значение Рима. «Цезарь и бог, авторитарность, иерархия и смирение»²⁶ предназначаются объединить Запад и Восток в борьбе против «человека-массы», против коммунизма, против социализма, против народной демократии, против передовых теорий, способствующих прогрессу и освобож-

дению человечества. Так испанская реакция прибегает к средневековому мракобесию, пытаясь прикрыть им свои агрессивные цели, направленные против интересов испанского народа.

Стремясь расширить свою социальную базу и приобрести влияние на широкие массы, испанские фашисты демагогически пытаются использовать мелкобуржуазные анархо-синдикалистские традиции в стране. В этом они подражают итальянским фашистам, широко использовавшим теории Жоржа Сореля, его «интуитивный, национальный социализм», противопоставлявший ими научному социализму. За сорелизм уцепились и испанские фашисты и, в частности, Хименес Кабальеро, который наиболее чётко сформулировал контрреволюционное название «национал-синдикализма». В статьях, опубликованных им в «Unidad de San Sebastian» 22, 23 и 24 июня 1939 г. под заглавием «Пять этапов освобождения Испании», он разъяснял, что значит национал-синдикализм, и отсылал читателя к своей книге «Гений Испании» (1931), где он, по собственному заявлению, «без колебаний утверждал, что социальное спасение Испании в национальном и традиционалистском синдикализме». «Национал-синдикализм» ставит перед собой задачу создать «национальное единство» во имя борьбы за империалистические дела. «Империия» противопоставляется борьбе классов. С циничной откровенностью Кабальеро заявлял: «Мы не против борьбы классов вообще, мы делаем только то, что часто делается на войне, мы направляем против противника те же пушки, которыми он хотел разить нас». В переводе на простой язык это означает, что испанские фашисты собирались использовать анархо-синдикалистскую фразеологию для обмана мелкой буржуазии и наиболее отсталых слоёв пролетариата.

В синдикализме Кабальеро особенно прельщает: 1) «религиозный» смысл, авторитарность и свободная воля, противопоставленные социалистическому атеизму, 2) родственные предшественники в Италии, противопоставленные русско-европейским предшественникам социализма. Ко всему этому ещё примешивался присущий синдикализму «истинный» характер прямого действия и насилия, которые, по мнению этого агента Ватикана, столь соответствуют испанскому характеру.

В задачу «национал-синдикализма», по его заявлению, входит в первую очередь уничтожение идей социализма. Социализм объявляется противоречащим духу Испании. В противоположность социализму этот вновь обретенный сторонник синдикализма воспекает «мстительные пистолеты анархо-синдикалистов». «Дух пистолетов»²⁷ объявляется «расистской особенностью кастильцев-кельтиберийцев». Анархо-синдикалистская партия объявляется им «наиболее испанской из всех испанских партий», хотя и она, по его мнению, дегенерировала. Не

²² Gimenez-Caballero «El genio de España», p. 321.

²³ Ibidem, p. 333.

²⁴ Ibidem, p. 154.

²⁵ Ibidem, p. 332.

²⁶ Ibidem, p. 253.

²⁷ Пистолеро — храбрый и смелый бандит, авантюрист, пускающий по малейшему поводу в дело пистолет.

случайно фалангист Хименес Кабальеро ищет в анархо-синдикализме его «католическую традицию». Испанской реакции нужен «штурмующий», палящий из револьверов католицизм; он ищет его повсюду и в том числе у «пистолерос», бандитов и люмпенов. Воображение последних испанские империалисты непрочь распахнуть заманчивыми картинами о превращении их в завоевателей мира.

С 1931 г. испанские штурмовые хунты стремились завербовать в свои отряды деклассированные элементы. Для этого и создавалась «теория» о героизме «пистолерос», способных стать конкистадорами. Испанские фашисты пытались воспользоваться вывеской синдикализма, чтобы вместо мелкобуржуазного содержания вложить в него империалистическое. По замыслу Хименеса Кабальеро, «национализированный анархизм, антимарксистский уже в своих истоках, должен был служить зарождению традиций антиинтернационалистических фаши»²⁸.

Как мы видели, Хименес Кабальеро не решается отрицать наличия классовой борьбы, ибо он учёл, что было бы невозможно доказать это массам, которые ведут её непрерывно. Не отрицая существования классовой борьбы, он предлагал преодолеть её посредством тоталитарного государства, имперской и экспансионистской системы. «Нам известна, — говорил он, — и другая истина, столь же важная, как и история человека, что в классовой борьбе между двумя существами, появляется третье, в форме контролирующего государства, и борьба прекращается». «Не деритесь за прибавочную стоимость, — поучает рабочих Испания этот фашист. — Посмотрите: там, у того народа, в тех колониях, в тех землях, имеется добыча для вас, объединитесь — и прибыль будет вашей. Прибыль, превращающая то ничтожное количество, из-за которого вы ведёте вашу тяжбу. Со времени империи Александра до Абиссинии Муссолини, включая испанское завоевание Америки и английское колониальное могущество, не было другой системы преодоления классовой борьбы, чем имперская и экспансионистская система» — пишет он в своих статьях в «Unidad de San Sebastian» (июнь 1933). Здесь мы имеем дело с чрезвычайно откровенным выбалтыванием со стороны одного из создателей фаланги истинного назначения её социальной демагогии и её заигрывания с синдикалистскими элементами.

Испанские фашисты в качестве «нищенской сумы» избрала «национал-синдикализм», но испанский народ слишком долго и много страдал от «феодалных гербов», чтобы не распознать их на спине у фашистов, как бы последние ни старались маскироваться.

На точке зрения расового господства стоит и проповедующий якобы расовое равенство испанский социолог, политик и дипломат, Сальвадор Мадарьяга, деятель Лиги наций, монархист и католик. Но впро-

тивовес пангерманской расовой доктрине он утверждает, что «вестготская эра не привнесла многого в социальную расовую характеристику испанцев и что наиболее выраженным типом является ибериец и брахцефальная раса кельтов»²⁹.

Мадарьяга определяет общество как «комплексный организм, в котором отдельные нации должны быть подчинены мировой общности. Во главе этой «мировой общности» он мыслит Англию. Сущностью испанской проблемы он объявляет «приспособление национальной психологии к условиям современного мира»³⁰. Он требует в вопросах международной политики интимнейшей связи Испании с Англией³¹. Власть Англии объявляется им «полезной для Европы», а испанцам рекомендуется «философское принятие фактов такими, как они есть». Он рекомендует придерживаться английской ориентации наподобие «сенора, который продолжает держать оборотовызвужающего его слугу не из любви к нему, а из страха, что тот, кто его заменит, пустит его по миру просить подавание»³². Кажется абсурдом, продолжает Мадарьяга, что «наши собственные интересы связаны с интересами единственной нации, в отношении которой мы имеем решительные мотивы быть недовольными, но в сознании и принятии этого абсурда иногда заключаются максимальная политическая мудрость» (разрядка моя. — Н. Т.)

Вторым оселком «политической мудрости» Мадарьяга является самообъявление мечтами о возвращении былого «имперского» величия Испании. «Национальной традицией» Испания Мадарьяга объявляет «мышление в терминах универсального единства»³³. «Наивысшее значение Испании для Европы — это её неизменная имперская субстанция», и Мадарьяга не видит другого европейского будущего у Испании, как «превращение этой имперской субстанции в действительность»³⁴. На разные лады во всех своих работах Мадарьяга твердит, что Испания «никогда не забывала африканской проблемы. Даже открытие Америки никогда не могло заставить Кастилию забыть марокканский вопрос»³⁵. Но экономическая слабость Испании и её зависимость от более мощных держав — слишком очевидный факт, и Мадарьяга не может с ним не считаться. Поэтому в своих излияниях об Испанской империи он сводит «великую испанскую потенцию» к её моральной и духовной силе: «Морально и духовно Испания является великой потенцией с универсальными интересами, если не считать нефть и уголь более важными, чем цивилизация и язык»³⁶.

²⁹ Salvador Madariaga «España», p. 48, 2 ed. Madrid. 1934.

³⁰ Ibidem, p. 238.

³¹ Ibidem, p. 112.

³² Ibidem, p. 219, 221.

³³ Ibidem, p. 157.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem, p. 219—221.

³⁶ Ibidem, p. 341.

²⁸ «Unidad de San Sebastian» 23/VI 1933.

Мадарьяга опирается на довольно широко распространённую среди испанских реакционных кругов теорию так называемого «духовного империализма», который рассматривает на влияние Испании в других католических странах, особенно говорящих на испанском языке. Не случайно Мадарьяга выпустил ряд объёмистых книг, посвящённых испанской колонизации стран Южной и Центральной Америки. В своих работах — «Христофор Колумб» и «Эрнан Кортес» — Мадарьяга идеализирует испанскую колонизацию и конкистадоров. Эрнана Кортеса он объявляет человеком «мысли и действия», символом испанского духа, проводником испанской политической философии³⁷. Эрнана Кортеса, оказывается, гнала на завоевания не золотая горячка, а служба королю, заместителю бога на земле, и стремление завоевать для христианства новую империю³⁸. Мадарьяга уверяет, что Кортесу далась победа не вследствие слабости и разложения империи ацтеков, не в силу технического превосходства испанского оружия и военной тактики, а в силу того, что Кортес верил, «что бог над природой» и что его «действия были сверхразумными». Всеми средствами пытается Мадарьяга доказать, что конкистадоры были гуманными носителями расового равенства. Доказательством расового равенства должно, например, служить то, что при крещении индейские женщины сперва получали христианское имя, а потом их отдавали в наложницы капитанам Кортеса³⁹. Или же то, что пленников превращали в рабов за то, что они оказывали сопротивление в боях. Легко видеть, насколько назад пошёл Мадарьяга даже по сравнению с историками XVI, XVII, XVIII и XIX вв., если сравнить его чудовищную фальсификацию исторических фактов с освещением этой истории Бартоломе Казасом, Луисом Перро, Антонио Солисом и другими испанскими историками, христианами завоевания Америки.

Но дело не только в неправильном освещении фактов. Дело в том, что Мадарьяга предлагает взять испанскую колонизацию в качестве примера, «достойного подражания в наше время»⁴⁰. Он пытается доказать, что «в основе испанской колонизации лежала идея расового равенства и религиозного воспитания». У Мадарьяги мы встречаемся с попыткой опровергнуть элементарную истину, что идея мирового господства и насильственного подчинения одних народов другими неизбежно включает в себя признание органического, имманентного превосходства одной расы над другой. Испания в своей колонизации пользовалась католической религией как идеологическим оружием. Но это ничуть не исключало того, что испанцы считали себя высшей расой в отношении индейцев и на этом основании са-

мыми варварскими методами подчиняли их себе и обогащались за их счёт.

Заканчивая характеристику реакционных взглядов С. Мадарьяга, небезынтересно упомянуть о прикрашивании им крайне реакционной диктатуры Примо де Ривера. Мадарьяга заявляет, что «материальная сторона политики диктатуры Примо де Ривера была его наиболее сильной стороной». Он не возражает и против вводившейся Примо де Ривера системы корпораций, которая «хотя и являлась подражанием итальянскому эксперименту, но всё же имела собственные черты, дававшие ей преимущества по сравнению с образцом».

Фашиствующая позиция Мадарьяги наносит удар известной легенде о том, что в Испании все люди, связанные с Англией, придерживаются либерализма в политике и позитивизма в теории.

★

Значение подсобного орудия «панамериканизма» приобрели в настоящее время идеи паниберизма.

Имевшие место в прошлом ненависть и вражда испанской реакции к империалистам США, вытеснившим Испанию из стран Центральной и Южной Америки, ныне сменились их сотрудничеством. В борьбе против Франции, Италии, и особенно Англии, США охотно используют испанцев, осевших в странах Центральной и Южной Америки. За последние годы, особенно за годы второй мировой войны, США укрепили свои позиции за счёт вытеснения Англии в Аргентине, Уругвае, Бразилии. Поскольку Англия была тесно связана с консервативными элементами, с крупными помещиками, империалисты США связывались вначале с оппозиционными элементами в этих странах и выступали под маской более прогрессивной силы. Это не мешало им одновременно связываться и с представителями Ватикана, который в этих странах обладает мощной экономической организацией ещё с тех пор, как церковь играла огромную роль во время испанского господства, и с теми помещичьими элементами, которым связь с США кажется более выгодной, чем с Англией. В последние годы США всё более откровенно связываются с крайние реакционными силами в странах Латинской Америки. США широко используют испанцев стран Латинской Америки не только для захвата позиций в этих странах, но и для внедрения в Испанию, для обеспечения «активной» политики США в Европе. После первой мировой войны не без помощи США начали преодолеваются напряжённые отношения между Испанией и «дочерними странами». Услужливые испанские реакционные писатели начали проповедывать «мировую солидарность расы, приоритет испано-американизма над всем. Ему приписывалось призвание осуществить «особые идеалы иберской расы». Хоакин Ортега, секретарь делегации хунты по усовершенствованию учителей испанского языка в США, на кон-

³⁷ Salvador Madariaga «Espana», p. 107.

³⁸ Ibidem, p. 293.

³⁹ Ibidem, p. 118.

⁴⁰ Ibidem, p. 341.

ференции преподавателей испанского языка в Нью-Йорке уверял, что «в основных чертах имеется огромное сходство между Испанией и Северной Америкой, сходство, объясняющее растущую популярность североамериканцев в Испании и испанцев в Северной Америке». Причём в испанском национальном характере воспеваются его «способность больше давать, чем брать, и его духовно формирующие качества». США, поддерживающие паниберизм по мере своего усиления в Европе, и особенно в латиноамериканских странах, не отказываются и от поддержки «латинского» расизма, поступая совершенно так же, как Англия, которая в странах Южной и Центральной Америки при случае не прочь опереться на паниберизм.

Таким образом, пангерманский, провеликобританский или панамериканский расизм

имеют своим назначением подчинение Испании хищнической политике империалистов и её дальнейшее закабаление.

Испанские реакционные социологи делают всё для того, чтобы теоретически обосновать пособническую роль Испании в пользу иностранных империалистов. Они мобилизуют для этого все разновидности субъективного идеализма: нацистский «биологизм», «психологизм», «волюнтаризм», «прагматизм», немецкую идеалистическую философию и средневековую схоластику. Однако испанский народ боролся против Франко, фаланги, итало-немецкой интервенции в Испании «не для того, чтобы принять ипотечку над Испанией от какой-либо иностранной державы», — как сказала Долорес Ибаррури в декабре 1945 г. на пленуме ЦК испанской коммунистической партии.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА